

КАЙЛАШИДА

повесть

Роман Попов

І. Человек

В свою квартиру возвращался на маленькой машинке человек.

«Молодой человек, ну что вы мешкаетесь! Ну дайте пройти! Чего так долго ждёте!» — слышалось ему будто из автобуса, который нёсся по мосту через Енисей.

И в этой наполненной металлической бочке были наглухо закатаны под давлением люди. Бочка катилась со своим содержимым и брякала по мосту.

Поручней недоставало, но в них люди и не нуждались, потому что в автобусе нет лучше ручника, чем набитый автобус.

А человек этот в своей машине ехал, переливаясь золотыми лучами июньского солнца и слушая мантры. Через час он достиг своего дома.

Подъезжая к нему, вы бы скорее увидели человеиник. Дома-коробки возвышались и рябили в глазах.

Дома стояли рядами, соревнуясь по высоте сами с собой. В них чувствовался хруст набитых застройщиком в карман денег и людского счастья, которое жильцы приобрели рядом с кладбищем и ЛЭП.

Он, заблаговременно втиснув машину, пробирался к своей квартире сначала через лестничную площадку, потом его возносил лифт. А уже после он смог наконец-то проникнуть к себе в квартиру без особого ремонта.

Стоит отметить, что человек этот приближался к сорока годам и уже подумывал поправить своё имущество, но эти желания являлись для него в то же время иллюзией, майей¹, как он выражался.

Именно человек — может быть, даже личность; но для личности нужна социальность, а этого у него как-то не хватало. На работе постоянно надоедали навязчивые заказчики, а работал он менеджером. Клиенты приходили к нему довольно часто — точнее, так часто, как только можно. И ему, как работнику офиса, приходилось принимать их и выслушивать.

Но вот, придя с работы, он сразу же начал преобразование в нерабочую обстановку. И это вовсе не распитие спиртных напитков, а чтение книжек и пение мантр...

Дело в том, что человек этот, Александр Гхорин, был человеком очень интересным и рассуждений очень интересных; его за это не раз осуждали, другие смотрели искоса. Ещё когда только на прилавках появились книги о йоге и веданте², внимание Александра сразу же упало на них. И в этих книгах, по его мнению, как раз и был сосредоточен весь смысл. После начала их свободного распространения начали создаваться организации, к которым присоединялся и он сам, но был разочарован и решил идти один.

Так последние годы и шла его жизнь.

¹ Майя — в индийской философии иллюзорность видимого мира.

² Веданта («завершение Вед») — одна из шести ортодоксальных школ индийской философии, выросшая из Упанишад. Учит о единстве индивидуальной души и высшей реальности и о том, что видимый мир множественности не есть последняя правда.

Наступал вечер, а затем ночь. Поужинав, он решил идти спать, но чувствовал что-то неладное. Александр ощущал, что кто-то очень громко слушает музыку.

И будь эта музыка хоть какого-нибудь примитивного содержания... Но содержанием и было — то, что она музыка. Трёхнотная наковальня звучала из двести третьей квартиры семнадцатого этажа двадцатизэтажного дома. Это молодые квартиранты развлекались.

— Здравствуйте! Нельзя ли как-нибудь потише сделать, а то мне завтра на работу!

На небольшое худощавое лицо Александра Михайловича смотрел австралопитек; выпучив свои изюминки, он ответил с абсолютным непопаданием в такт:

— А нельзя!

И дверь захлопнулась.

Александр решил не вызывать полицию. Это долго, а ему спать пора.

Во сне он слышал слова «пчеловод», «малиновая лада». И она даже представилась ему — такая вся вкусная, едет по ягодкам малины, а пчеловод её опыляет. Но потом он проснулся — не от понимания того, что «лада» не лучший автомобиль, а от ощущения надобности выхода в люди и выслушивания клиентов.

И вот, допив чай, он отправился к себе на работу.

II. На работе

После бесконечных отчётов он принял клиентов, затем ещё клиентов. Но тут после обеда он почувствовал, что его ждёт что-то не очень приятное...

К нему пришёл директор.

— Саша, я знаю, ты считаешь себя талантливым человеком. Но как ты можешь так думать, если у нас ничего не продаётся? Клиенты сами должны купить нашу продукцию. Если ты не можешь нормально обеспечить наши продажи, значит, ты неспособный, и тебя надо уволить.

— Я за полставки работать не собираюсь. Вы, Виктор Фёдорович, давно уже говорили...

— Я тебе ничего не обещал! Мне надо отчитаться уже завтра о выполнении. Если до завтра ничего не сделаешь!..

Александр промолчал, видя недовольство своего начальника, которому самому хотелось отчитаться, чтобы порадовать начальство. А ему хотелось просто работать. В его коллективе все вели разговоры о зарабатывании денег — но не о честных способах, а о всяких разных уловках и обманах. Все вокруг ещё и выслуживались перед начальником, как собаки.

Убежать бы куда-нибудь от таких.

Людей много, а настоящих здесь и нет. Все они были погружены не то что в мирские дела, а в дела подмирские.

Он вышел на улицу.

— Есть деньги? Мне на проезд не хватает.

Александр дал просящему сто рублей.

— Что? Так мало! Себе оставь, нищевод!

Александр сажился в машину и, услышав толпу матерящихся людей, подумал:

«Неужели Кали-юга³ действительно наступила? Всё в мире думает о наживе, о страшных и чёрных вещах. Кто-нибудь может сойти на землю и устранить этот хаос?»

Он зашёл в квартиру и наглухо закрыл шторы; в квартире гремела двухбитовая музыка. Внизу ездили машины.

Кто-то ругался с водителем дорогой машины за то, что он поставил на тротуаре свой драндулет.

Лоснящееся лицо по-хамски отвечало ему. Очевидцем всего этого был Александр.

Он закрыл всё, что только можно, выключил свет и усталый свои глаза на плакат со своим покровителем.

— Только ты можешь решить мою проблему! Посмотри, до чего уже человечество доведено! Они все желают только зла и денег и погрязли в этом! — негромко шептал Александр. — Сойди и проявись! Нет совсем здесь никого! Всё погрязло во тьме.

³ Кали-юга — в индуизме последняя из четырёх мировых эпох, век раздора и упадка нравов.

III. В горах

— Господь! До тебя донёсся крик твоего преданного! Махадев⁴, проснись!

— Я сам всё слышу, Нанди⁵, — ответила спокойно синяя фигура.

На вершине Кайласа сидел мужчина с синей кожей. Волосы его были длинные, а возле шеи извивалась змея. Рядом были поставлены трезубец и барабаны. Голоса их разносились как эхо в белоснежной тишине. Рядом стоял только домик его жены Парвати⁶ и сына Ганеши⁷.

Бык Нанди спокойно ждал ответа.

— Нам с тобой предстоит путешествие!

— Махадев, мы не сходили с этой вершины уже тысячи лет! Последний раз ты спускался на свадьбу с Парвати.

— Помни, кто мы, Нанди. Нам не страшен этот мир. Тем более ты желаешь увидеть мир, которого я после первого тысячелетия вживую не видел. Я постоянно вижу его своим третьим глазом, но ещё никогда не сходил в него так глубоко. И потом, это мой преданный, а я не могу не откликнуться на его просьбу.

Нанди с некоторым опасением помотал рогами. Он начал крутить хвостом, как будто отбивая мух.

— Будь спокоен, Нанди!

⁴ Махадев (Великий бог) — одно из имён Шивы.

⁵ Нанди — белый бык, ездовое животное и привратник Шивы.

⁶ Парвати — супруга Шивы.

⁷ Ганеша — сын Шивы и Парвати, бог с головой слона, устранитель препятствий.

— Махадев, к столу!

— Парвати, мы отправляемся в путешествие!

— Ну ты так давно этого не делал...

— Не беспокойся. Скажи об этом Ганеше.

Возможно, я приду за ним обратно.

Вот и Ганеша пришёл.

— Я тоже хочу с вами! — закричал Ганеша.

— Махадев, не оставляй меня одну!

— Не забывай, что у тебя есть помощники. Тем более на Кайласе сейчас безопасно.

Они расстались.

— Ганеша, Нанди, мы отправляемся в Сибирь!

IV. Уже в пути

В потоках темноты, после молитвы, в соседней комнате что-то зашумело.

Александрю стало очень страшно. Ноги его подкосились, а в руку он взял сковородку. И вдруг он увидел в темноте синее тело, рядом с ним стоял человек с головой быка, а слева от них — человек со слоновьей головой. Он, как водится, закричал.

Но, увидев, кто перед ним, упал.

— Вставай! Звал меня? Вот я и решил всех захватить.

— Шива... Неужели это ты?

Недолго подумав и осмотрев своих гостей, он решил, что им необходимо хотя бы переодеться.

— За это не переживай, — ответил Шива.

И тут синий мужчина превратился в господина лет сорока в рубашке и чёрных брюках. Волосы его были короткие и угольные. Лицо даже несмотря на перевоплощение передавало немалый интеллект, хотя и без очков; было оно спокойное и доброе, а изумрудные стёклышки плотно сидели в глазницах. Ганеша стал молодым человеком двадцати лет в серой футболке и джинсах, с вытянутым лицом, чёрными густыми волосами и большим животом. А Нанди так и остался с головой быка, но в костюме.

— Нанди, разве ты не видишь?

— А мне как-то с головой с этой...

Но, увидев неодобрение, голова его начала превращаться в человеческую. И он обратился в довольно полного человека лет тридцати.

— Проходите к столу, — сказал Александр.

Все уселись за стол и начали пить чай. Ганеша охотно ел пирожные.

— Ганапати⁸, мы же с тобой договаривались, что ты в гостях много не ешь!

— Тогда взамен этих многих съеденных я дарю вам джалеби⁹ и ещё этих сладостей.

И все они принялись есть приготовленные им лакомства.

— А где Мушика¹⁰? — громко сказал Ганеша.

— Да я же совсем забыл его!

Под кроватью сидел мышь огромной величины.

— Не вылезу! — громко закричал он.

— А я тогда не дам тебе сладостей!

Тогда в комнату прибежала огромная мышь.

— Мушика? А ты почему переодеться не успел? — спросил Ганеша.

— Я не хочу облик свой терять...

— Да это же временно, потом снова мышью станешь.

— Я вот человекоподобным был только тогда, когда из демона ещё не превратился.

— Это абсолютно безвредно, — спокойно сказал Шива.

⁸ Ганапати — другое имя Ганеши.

⁹ Джалеби — индийская сладость, обжаренные в масле спирали из теста в сиропе.

¹⁰ Мушика — мышь, ездовое животное Ганеши. По преданию, это был могущественный демон Мушикасура, наводивший ужас на землю и разорявший обитатели мудрецов. Ганеша вступил с ним в бой и, одолев его, обратил в мышь; побеждённый демон молил о пощаде, и Ганеша сохранил ему жизнь, сделав своим ездовым животным, — так необузданная сила была не уничтожена, а поставлена на службу.

Тогда мышь превратился в маленького мужчину, у которого беспорядочно бегали глаза и шевелился рот.

— А кто у вас так громко музыку слушает, ещё и неприличную? — спросил Шива.

— Это сосед мой.

И тут он рассказал о вчерашнем происшествии.

Тогда из колонки вдруг заиграла мантра «Ом намах Шивая»¹¹.

Сосед долго бегал по квартире, искал, кто мог подключиться к его колонке.

Все залились смехом.

— Э, сосед! — слышалось из-за стенки.

Вдруг в дверях появилась фигура соседа.

Он был встречен Шивой.

— Здравствуйте! — сказал тот приветливо.

— А чей-то вы к моей колонке подключаетесь?

— Что вы, мы такими вещами не занимаемся. Спите спокойно.

И закрыл дверь.

Не успел сосед вернуться к себе домой, как его колонка вылетела ему навстречу. Она начала летать в воздухе и петь мантры.

Сосед упал на пол от увиденного.

По квартире летал чёрный эллипс и кричал волшебные слова. Всё содержимое квартиры, в которой, видимо, шла какая-то вечеринка, выбежало вон.

Колонка вдруг запела: «А, добрый вечер! Привет с большого бодуна!»

¹¹ «Ом намах Шивая» — «Поклонение Шиве», одна из главных мантр шиваизма.

А потом: «А Борька — бабник!» (дело в том, что соседа звали Борис).

С этой песней от увиденного начали разбегаться посетители.

Студентки бежали, роняя сумочки. Всё сборище было разогнано.

V. На вечере

— Итак! — заявил Шива. — Я знаю, у вас рядом имеется кладбище. Я пойду туда с Нанди.

Гхорин, имея довольно большой духовный опыт, знал о месте обитания Махадева, а следовательно, вопросов не задавал.

— Но как ты пойдёшь туда без паспорта? — поинтересовался Ганеша.

— На случай проверки я раздаю вам всем паспорта! Новые, блестящие, как настоящие!

И тут в его руке засверкали паспорта с орлами в красной обложке.

Шивин Алексей Николаевич.

Ганешин Валерий Петрович.

Бычков Андрей Иванович.

Мышкин Геннадий Валерьевич.

Всем было роздано по одной книжице, и у всех были фотографии.

— А теперь нам пора... Ганеша с Мушикой остаются присматривать за вещами.

(В маленькой тёмной комнатке лежали трезубец и маленький топорик.)

Двое вышли, дверь за ними захлопнулась сама. С синей полочки прилетел ключ и сам закрыл её на два оборота.

Было уже довольно темно. По обеим сторонам дороги разъезжали машины, в воздухе пахло летом. Сумерки стояли над городом. Красные нити тянулись по закатному небу.

Когда они дошли до кладбища, стало совсем темно, но сумеречная полоса оставалась растянутой по небесам.

Шивин с Бычковым нашли наконец место для сидения — после поисков и рассматривания могильных плит. Какие-то портреты казались совсем новыми, а другие заметно подались в прошлое. Но была там и свободная земля; туда и уселись садхаки¹², погрузившись в краткую аскезу.

Тем временем в этой лесной тиши никого не было, а ходила лишь одна женщина с одним намерением. И ей никто не должен был мешать — по её, конечно же, усмотрению...

Лицом она была, одним словом, отвратительна: толстые губы её лоснились ненавистью, а оценивающий агрессивный взгляд вынашивал какой-то страшный план...

— Мужчины, вы что здесь ходите! — закричала она истощенным голосом. — Совсем темно уже.

— Мы вам не помешаем, — сказал гражданин Бычков.

— А покойничкам, может быть, не по душе ваш приход.

— А давайте их спросим! — отрезал Шивин.

Из чёрной земли начали подниматься тела: какие-то обугленные, в оборванных, чёрных от земли одеждах, какие-то в белых. Но все они выглядели как предмет, который только что вытащили из-под земли, — как некая археологическая находка.

Они кричали:

¹² Садхака — тот, кто совершает духовную практику.

— Мы не против! А ты, ведьма, ступай прочь! Ступай прочь!

Один мертвец подошёл к ведьме и оторвал клоч одежды. Она закричала.

Из кармана её джинсов выпал чёрный нож, а из сумки выкатилась свиная голова.

«Ан и улика», — мелькнула мысль.

— Теперь вы понимаете, кто здесь лишний? — сказал, поднимаясь на дыбы, Нанди.

Он превратился в двухметрового мужчину с головой вола, так что лишь месяц озарял его белые рога, а тело было скрыто в тени. Шива принял свой естественный облик. Его тёмно-синяя кожа ярко светилась, переливаясь ручейками, на шее свилась шипящая змея. Рядом с ним стоял трезубец, блестя на лунном свету металлом.

Тело женщины начало зеленеть, выросли два рога. И это было заметно, несмотря на уже воцарившуюся темноту.

Она начала бешено кричать и бегать. Трезубец, воткнувшийся в землю, начал вращаться и светиться, затем закрутился ещё усиленнее и зашипел, как кошка.

Он выкрутился из земной пучины и начал летать по кладбищу.

Тришула¹³ вонзилась в голову ведьмы, и та забегала, издавая хрипящие звуки, а бордовые ручейки крови начали расплёскиваться в темноте. Чёрные струпья полезли из шеи. Наконец трезубец рассёк её. Бездыханное тело обрушилось на

¹³ Тришула — трезубец Шивы.

могильную землю, а штырь одной из оград вспорол ей живот.

Ручейки крови, капавшие с отрезанной головы, превращались в кусты шиповника.

Само тело её превратилось в огромную ель.

— Теперь на вашей территории никто не будет проводить свои чёрные дела! Да будет она очищена от этого смрада! — сказал Шива, приняв прежний облик.

— Ура! — закричали мертвецы.

Их чёрные фигуры были укрыты темнотой; все приняли свой привычный вид, и на землю опустилась тишина.

Двое возвращались из тихого безмолвия ночи. Дойдя до магазина, они попросили у продавщицы коньяка. — Магазинчик у вас хороший.

— Да только не заходит никто.

— А мы? — спросил Нанди.

— Ну, кроме вас, естественно.

— А вы хотите, чтобы к вам люди ходили?

— Конечно хочу! Ничего не продаётся, одна водка.

— В этом и секрет всех магазинов в округе — что прибыльна лишь одна водка, — сказал Бычков. — А нам пожалуйста коньячку-с!

— Так после одиннадцати не продаём!

— Как же это так? В том-то и секрет, что ничего не продаётся. А может быть, иногда надо и продавать?

— Вот вам, хотите? — Шива достал горсть монет и насыпал в ладонь продавщице.

Монеты были золотые, и этой женщине было непонятно, откуда странный гражданин с вкрадчивым голосом их вообще взял.

— Ну послушайте, закон же есть.

— А если вы не хотите — давайте я вам помогу!

И с полки вылетела золочёная бутылка с шоколадным содержимым. Она летала и вращалась высоко под потолком.

— А ваши деньги оставьте! Не принимаете в таком виде — значит, будут в другом.

И монетки превратились в пятитысячную купюру.

Женщина сначала тихо смотрела, а потом начала тихо кричать, когда бутылка, медленно кружась в вальсе, начала подлетать к её голове.

У этой бутылки выросли ручки и ножки из стекла, а где-то заиграл вальс Шостаковича.

Вдруг коньяк погрузился в руку Нанди, а бутылка красного вина сама откупорилась, и перед женщиной накрылся стол с сыром дор блю и камамбером из Швейцарии.

— Пейте же, а покупатели будут, — сказал Бычков тихо, своим низким и добрым голосом, глядя добрыми голубыми глазами на продавщицу.

В ней уже не бегали так страшно глаза, но сердце билось до сих пор.

Она ещё не успела позвонить и рассказать обо всём, как у дверей уже стояли толпы покупателей. При этом она заметила пропажу: в магазине исчез весь дешёвый алкоголь, на прилавках лежали игристые и десертные вина, ликёры и виски. Куски хамона свисали с витрин, а различные виды сыра красовались во всех плоскостях.

К ней пожаловали все ухоженные и интеллигентные люди в пиджаках. Сама она вместо своего деревенского фартука была одета в какой-то

дорогой костюм. Вместе со всем этим и весь магазин преобразился в интерьере полностью.

Причём преобразования этого она не заметила: ковры постелились сами, потолок укатывался тоже сам. Женщина была спокойна лишь потому, что понимала — она во сне, и хотела продолжить эту негу.

Мужчины вышли, оставив шлейф восторга, и, разгорячённые разговором, пошли по прохладной улице.

Шивин с Бычковым уже подходили к дому.

Дверь открылась, и в неё вошли два больших ростом гражданина.

Они звонко поставили на стол коньяк и открыли его.

У стола уже сидели все.

— Я не пью и мяса не ем, — сказал Гхорин.

— Теперь ешь и пьёшь. Аскеза¹⁴ закончена.

— Я хочу рассказать вам о нашем путешествии...

И тут Шива начал рассказывать подробно, что произошло на их пути. Во всех подробностях.

Александр слушал и всё сильнее удивлялся.

— Я хочу заявить вам, что эта женщина, та, что превратилась в ведьму, сама молилась мне. Но, делая это, она совершала чёрные ритуалы и жертвоприношения, тем самым поставив себя на путь разрушения. Тот, кто идёт этим путём, сокрушая первозданную материю, сам становится объектом своего деяния; и я воистину с Нанди вознаградил её

¹⁴ Аскеза (тапас) — духовное усилие, самоограничение ради очищения.

— отдал по праву принадлежащие ей плоды этой работы.

Вопросов ни у кого из присутствующих не возникало: Шива умел рассказывать так, что они при правильном изложении улетучивались. А та женщина действительно являлась ведьмой. Начитавшись с молодости чёрных книг, она решила как-то известить мужа своими ритуалами — и удалось, скоропостижно и быстро. Но у неё оставался ребёнок; она в ярости заклинаний растворила и его, не понеся наказания. А став на путь истинного разрушения после чтения книг о Шиве, она жаждала обрести истинную силу — но сила эта, к счастью, лилась перед ней недолго.

— И мы будем менять это пространство. И я хочу сказать вам, что за это время я уже довольно обжился здесь. Многое успел попробовать на этой земле. А теперь думаю, можно отправиться в сам город, посмотреть на его окрестности.

— Ты хочешь сделать это сегодня? — спросил Гхорин.

— Завтра.

— Но я знаю, Саша, тебе здесь всё не нравится. Под окнами стоят машины, мусор никто не вывозит...

И Александр начал рассказывать действительную историю: как он пришёл в управляющую компанию с жалобой на постоянную грязь во дворе и нарушение других санитарных правил, а ему посоветовали переезжать. При этом директор этой управляющей компании, лицо честолюбивое и воровитое, общался с ним по-хамски... Дело в том, что лицо это лишь наживалось на населении здешних домов. Постройка их была чрезвычайно выгодна. А назначенный

управляющим лишь желал вывести побольше денег. Точно так же, как и застройщик, который лишь желал отчитаться о хорошо выполненном проекте перед администрацией.

— Я пришёл посмотреть на этих лиц, которые доставляют столько неприятностей людям. И всё моё пребывание здесь будет с этим связано, — сказал Шива.

Стемнело, и нужно было думать, где будут спать гости.

Гхорин уже поспешно хотел было отдать своё место, как Шива сказал, что ему не стоит беспокоиться.

Однокомнатная квартира раздвинулась, и это пространство заполнилось комнатами.

Жаркий день закончился дождливой ночью.

VI. Нужно ехать

Наутро все поняли необходимость поездки, и после обеда Шива начал её обдумывать. Было решено воспользоваться автомобилем Александра.

А во дворе, полностью запаркованном машинами, их ждала старая разбитая, не достойная описания кляча, которую бог послал только для того, чтобы отжить свой век, — но тем не менее эта старушка ещё многое могла и умела. В целом своё предназначение возить она выполняла. На ней и отправились.

Пятеро чародеев были уже в пути.

— Куда же мы едем? — спросил водитель Гхорин.

— Мы думали купаться, — заявил Шива.

— У нас одно место для купания неподалёку, и это Енисей. Надеюсь, возражений нет?

Все дружно заявили своё согласие.

И машина, пыхтя и шурша, понеслась по центру города. Вокруг все водили как-то агрессивно и не совсем адекватно. Ганеше и Шиве было неприятно смотреть на большие дорогие машины и их владельцев, горделивых и испорченных.

Одна из них начала подрезать клячу. Виляла и петляла, а потом водитель остановился и вышел из машины.

Из чёрной дорогой пыхтящей колесницы вышел бородатый, похожий на бочку, обтянутую фаршем, человек — или его подобие.

Когда он увидел группу из пяти довольно высоких сударей, решимость его несколько пропала, но наглость осталась; однако после того как он

удостоверился, что окно для него открыто не будет, он, вращая пальцами, сел обратно.

Гхорин начал возмущаться и ругать его, но, увидев довольное лицо Шивы, перестал это делать и порадовался про себя.

Дело в том, что после этого радиатор наглеца начал дымиться, и, выйдя из машины, он увидел в своём кузове три больших дырки. Это сильно впечатлило его, и лицо этого туловища сильно изменилось, натянувшись на ту часть человеческого тела, где у обычных людей оно и находится.

Все доехали до Енисея. Переодевшись, пошли к берегу.

А там их ждала кипящая ледяная вода, которая своим течением сносила всё, что попадалось под её силу.

Шива, проплыв немного, начал удивлять всех тем, что совершенно ушёл под воду, начав там медитацию.

Люди, находившиеся на берегу, начали стекаться к нему, чтобы помочь.

Тем временем Нанди крикнул своим высоким голосом:

— Граждане отдыхающие, не беспокойтесь! Это профессионал, он всегда так делает.

— А чем же он занимается так упорно? — спросил прохожий.

— Подводным плаванием, — ответил Бычков.

— Да утонет он, спасти надо! — крикнула равнодушная женщина.

Уже и на мосту над рекой начали все снимать, собралась толпа.

Всё это было до тех пор, пока не зазвучал голос, подобный грому:

— У меня всё хорошо!

Люди начали пугаться и оборачиваться по сторонам.

Вдруг тело появилось, и кто-то начал расходиться, а кто-то, наоборот, подходил к этому атлету.

— Как же у вас так? Талант?

— Йога, — спокойно отвечал Шивин.

Ганеша тоже решил не стоять в стороне и надумал превратиться в слона. К большой фигуре подходила фигура величественного животного. Зайдя в реку, он начал поливать себя из хобота.

Все дети, бывшие на берегу, начали стекаться к этому удивительному слону и погонщику, задавая самые различные вопросы: и откуда, и чем кормите.

На всё Шива спокойно отвечал: мой; кормлю фруктами; живёт в деревне неподалёку.

Но, понимая, что всё больше и больше людей начинает стягиваться к ним, Шива объявил, что слон устал и хочет кушать.

У каждого ребёнка, который подходил к погонщику со слонем, оказались золотые монетки в кармане, а в новостях уже скоро был напечатан заголовок.

Наши гималайские знакомые довольно быстро добрались до дома.

VII. Для чего прибыли

Цель поездки оставалась невыполненной, пока все пребывали в городе. Нужно было разобраться с жилищными условиями обитателя. И появился случай: в город на Енисее из центра приезжало лицо, перед которым нужно было непременно отчитаться и застройщику, и всем, кто отвечает за различные технические вопросы. В это дело желали внедриться и наши знакомые.

Хочется сказать, что застройщиком этого дома являлся Велиам Михайлович Спиридонский — как ранее отмечалось, человек непорядочный, но безмерно честолюбивый. Он строил дома тесные, располагал их вместе на крохотной площади. Сам безмерно оставлял в кармане, но тут необходимо было всю деятельность предъявить перед лицом Н., которое как раз хотело проверить этот объект; и на приёме по случаю его приезда должен был давать слово этот Спиридонский. Он уже несколько дней бегал и заучивал речь.

Господин Н. уже появился в городе, и всё было подготовлено к его встрече. Он ехал на своей роскошной машине и смотрел на окрестности, но тем самым и надвигался, как буря, на жилищные комплексы Спиридонского.

— Игорь, необходимо всё почистить, машины все составить, чтобы к его приезду всё блестело!

Так сказало в трубку лоснящееся лицо, трусливое и переживающее за своё состояние.

Нижестоящие муравьи муравейника копошились, разгребая завалы потёмкинских деревень.

Все жалобы начали приниматься в штатном режиме и слаженно.

Но перед самым приездом к Спиридонскому пожаловали гости...

VIII. А вот и мы

Ещё в квартире пятеро начали обдумывать схему проникновения к Спиридонскому. Согласовывалось, сколько человек пойдёт, один ли будет.

— Итак, мы идём все вместе. Саша, ты тоже идёшь.

— А что делать-то? — испугался Гхорин.

— Ничего. Сидеть в седьмом ряду и смотреть. Валерий Петрович займётся столами; Геннадий Валерьевич поглядит, чтобы никто не помешал; Андрей Иванович постоит у дверей. А я поговорю с хозяином дома — вернее, с его собакой. Все прочие сделают всё сами: людям такого сорта достаточно дать сказать то, что они и так думают. Ложь не надо изобличать, Саша. Ложь надо просто выпустить наружу, и она сама себя изобличит.

— И всё?

— И всё. Самое трудное сегодня — не смеяться.

— На чём же мы поедем? — спросил Гхорин.

— Разве вы никогда не летали? Сегодня мы полетим!

Фигуры йогов после этих слов начали взмывать, и поток вынес их из квартиры.

Шива принял свой обычный облик и сидел на Нанди; Ганеша летел на Мушике, ставшем ростом с коня; а Гхорин летел один, превратившись в седовласого йога.

Спиридонский, как объяснил всем Шива, жил на Еловой улице, в своей сибирской резиденции; в остальное время он коротал лета, нежа своё тестообразное туловище под средиземноморским

солнцем. Но сейчас он был там один, в сосновом лесу, и вершил приготовления.

И наши знакомые уже летели по городу, а затем над бором по соснам.

Тем временем у Спиридонского было беспокойно.

— А ваза? — спросил домработницу боящийся за деньги голос.

— На своём месте, Велиам Михайлович, — ответила Нина, домработница.

— Так ты всё убрала? Если хоть что-то плохо стоит или грязное — из зарплаты тебе вычту, поняла? — сказал он, шипя и выдавливая глаза.

Но Нина убежала. Потное лицо сидело одно на диване и ожидало участи проезжающего кортежа. Н. должен был, захватив его, поехать с ним в один зал, вроде концертного, на фуршет; и его ждала его речь, которую он повторял, — она была про уважение к достоинству персонала в наших комплексах, всё для людей и их удобства и прочая лживая ерунда.

Он сидел, окружённый сосновым лесом, в сумерках. Его апартаменты с бассейном возвышались, как статуя. Сам же он в них был песчинкой.

Он долго смотрелся в зеркало, вознося себя и думая, какой же он молодец.

И вдруг — шорох.

Зеркало раскололось на части.

Ваза упала. И разбилась.

Он испугался, сердце его забилося; он пошёл к двери.

Спускаясь со второго этажа, он увидел свою маленькую собачку.

Она выкрикнула ему своим хриплым голосом:

— К нам гости!

«Чудится, что ли? Или не...»

Спиридонский закричал, но, закрыв ладонями лицо, попытался перебороть себя. Затем, пересилив себя, взял нож и начал подходить к двери.

Невидимая рука начала выхватывать нож; он весь затрясся и упал на пол.

Дверь открылась, и там появились пять высоких персон.

— Кто вы такие? Что вам надо?

— Нам от вас нужно многого. Ваша собака вам расскажет.

В комнату с деловым видом зашёл алабай и начал рассказывать:

— Во-первых, ты, хозяин, людей честных обворовываешь. Во-вторых, врёшь и делаешь это довольно нагло.

Ноги Велиама начали подкашиваться, но его поднял полубык.

— Скажите, что вам от меня надо, и я всё исполню, только уйдите!

— А с вашими клиентами вы по-другому разговаривайте, хозяин, — не умолкала собака.

— А собака-то почему говорит?! — завопил Спиридонский.

— Это не собака, это ваша совесть, и её нужно, как и собаку, вымыть. Этим мы и будем сегодня заниматься.

— Господи, за что?

— За всё, что ты сделал людям, — сказал наконец Шива. — И ты уже его позвал; кажется, он сегодня проведёт с тобой вечер.

— Сейчас, — приказывающим голосом сказал Шива, — ты поедешь с Н. и ни слова ему не скажешь про то, что видел. А мы поедем с тобой.

И помни: если собака заговорила, не думай, что пролетающий в машине комар или муха, приставшая с леса, не начнут бормотать подобное.

Понял?

— Я на всё согласен! — закричал застройщик.

— И ещё одно. Тишина.

После этих слов по всему дому зажёгся свет, ваза и зеркало из осколков собрались воедино, а собака снова встала на четвереньки.

Тем временем Н. уже подъезжал к таунхаусу на Еловой. Перед ним стелились, словно бархатные дорожки, вчерашние деспоты; при обращении с ними они становились муравьями. Все приветствовали это лицо.

Кортеж подъехал к дому. В богатое жилище зашло довольное наглое лицо.

— Добрый вечер, Велиам Михайлович! Давайте отправимся на сегодняшний вечер.

— Доброго вечера вам... — подыграл Шива.

— Я вижу, у вас новые гости! — воскликнул Н. — Рад познакомиться. Ну давайте же вместе проведём этот прекрасный вечер!

Сначала Спиридонский от вида Н. потерял самообладание, но затем вошёл в своё обычное состояние.

Они сели в роскошную машину в глухой тишине елового двора с фиолетовой подсветкой и отправились.

Машина понеслась по тёмному городу; там гостям предлагали шампанского, от которого Велиам, в силу случившегося с ним, не прочь был отказаться.

Они неслись по улице Мира, по Карла Маркса, и всё светилося и благоговело.

Тихое «муравьи» вырывалось у Н. Он как бы смотрел на это зрелище свысока.

Вот молодёжь разбивает очередной самокат. Вот мясная толпа на этом самокатике врывается в пешехода. Вот эти людишки, слушающие музыку. И пытающиеся на свои сибирские гроши развлечься. Хлеба и зрелищ.

Но был у Н. и свой муравейник. Раз в неделю он ездил в один кабинет, и там волновался, и должен был отчитываться перед начальством; но, опустившись ниже нравственно и поднявшись выше финансово, он сменил свою роль. И там его тоже, надо полагать, называли про себя как-нибудь коротко. Об этом он старался не думать и потому думал постоянно.

При этих думах сам Н. был таков же и слеплен из того же теста, что и самокатчики, и народ.

Но вот карета донесла их до зала.

Дверь чёрной машины открыл водитель; перед входом в красную бархатную залу всё озарилось светом.

В залу вошли фигуры в костюмах: Шивин, Бычков, Ганешин, Мышкин и Гхорин.

Все подбежали к Н. и начали приветствовать его, пытаться прикоснуться к его величайшей особе и быть рядом с этим богом.

Но сначала был банкет.

Устрицы и омары, вина — всё лежало на разных столиках, и людишки быстро разносили эти закуски. Разные блюда не волновали пресытившихся особ, но всё же они желали покушать.

Началась приветственная речь; и пока она была — была и еда, а после неё уже не было. И вот в чём дело.

Валерий Петрович Ганешин, как известно, был очень большим любителем покушать, и большие размеры его живота вмещали чрезвычайно много. Увидев еду, он решил не тянуть времени и, собственно, уничтожить её. Тем более что план уничтожения был согласован с Шивиным.

И вот весь фуршет начал с довольно большой скоростью — вместе с речью Куберова, владельца здешнего комбината питания, — вмещаться в нашего знакомого.

Ускользали устрицы, омары, креветки. А самое главное — пирожные. В итоге все столы опустели.

— А теперь прошу к столу! — сказал Куберов.

Гости вошли в пустую залу фуршета.

Все почувствовали, что кто-то успел уничтожить еду. Сначала Куберов очень напугался, что совершил такую оплошность перед приездом столь знатной особы.

— Пока дети в столовой едят пальмовое масло, ты отчитываешься перед начальством омарами? — сказал спокойно Ганеша, не теряя чувства

правильности своих слов. — Так отведайте же, дорогие гости, чем кормит этот изверг детей!

У всех присутствующих, кроме знавших о плане знакомых, выпучились глаза. Куберов потерял сознание.

— Быстрее сделайте что-нибудь! — закричали присутствующие.

И всё начало расступаться. Но затем это всё было убрано.

— А что мы, еды не видели? Давайте же перейдём к основной части! — закричал Н.

И все перешли в актовый зал.

Там вдалеке волновался Н. Неподадёку сидели гималайские путешественники и садхака.

— А теперь слово даём нашему... одним словом, красе этого города, Велиаму Михайловичу!

Велиам не ожидал такого подъёма; он вышел довольно бодрый и бумажку совсем не держал в руках. Сначала он хотел начать свой привычный доклад, но вдруг почувствовал, что не может говорить и начинает лаять — издавать настоящий собачий лай.

Зал засмеялся. Волна шума затушила речь, если её так можно было назвать. При этом Велиам слышал себя абсолютно нормально, по-человечески. Но действие это произвело на него впечатление.

Единственное же внятное, что он произнёс, было такое:

— Я дарю свою квартиру на Еловой улице сидящему в седьмом ряду на седьмом месте!

Им оказался Гхорин. Велиам абсолютно не хотел этого говорить и закрыл руками рот.

— Ну как же ваш докла... — закричал седовласый старик-конферансье.

— А дело в том, — сказал Спиридонский громко, — что доклада не будет, и вы все катитесь к чёртовой бабушке вместе с Н.!

Это вызвало сильную волну в зале, а Спиридонский, понимая, что он говорит, начал чуть ли не терять сознание.

Его хотели вывести со сцены, но Н. своей сильной рукой остановил. На его лице светилась ядовитая улыбка гордости и лицемерия; несмотря на гнев, он желал показать своё благодушие.

Он выбежал, схватил за седые волосы старика и прямо на сцене начал выдирать клочья пиджака и клочья волос. Охрана не смогла их вывести: как только она приближалась к сцене, так чувствовала удары тока.

Вдруг ободранного старика пустили со сцены.

— Вот и лети туда, седой студень! — заорал истошно Велиам.

Вдруг на сцену, не выдержав, начал выходить сам Н.

Галдящие посетители умолкли.

— Прошу всех замолчать. Если вы хотели увидеть мою честность — то вот она, я перед вами, ничего не скрываю. Совесть моя чиста. И все слухи о моём взяточничестве и мошенничестве лживы. Да пусть я обращусь в козла, если вру!

И тут голова его начала уменьшаться. Телохранители ринулись к нему. На месте его туловища бегало нечто, подобное человеку с козлиной головой, и блеяло на каждом слове. Все

начали кричать. Женщины кричали, как мужчины, а мужчины — как женщины.

Телохранители не знали, как действовать, и продолжали бегать.

Это тело начало беспорядочно бегать, пока не выбежало на улицу и не побежало по улице Мира.

Всё озарилось визгами.

Была вызвана полиция.

Когда один из сотрудников уже штурмовал здание, наши гималайские друзья вместе с Гхориным испарились в толпе.

IX. Уже дома

Пролетев по воздуху, они оказались дома у Гхорина.

Шива и Ганеша начали собираться в дорогу.

— Теперь мы наделали дел, и нам пора, — сказал Шива. — Но это не значит, что наш визит закончился. Мы совершили хороший маршрут и восстановили дхарму¹⁵. Наша задача выполнена. Теперь твоей аскезе ничего не помешает.

— Махадев, а квартира?

Шива посмотрел на него внимательно, и Александр понял, что весь вечер шёл именно к этому вопросу и что вечер, может быть, ради него одного и был устроен.

— Квартира твоя. Он подарил её при полном зале, и бумаги будут в порядке. Дом на Еловой, сосны, тишина, ни одного соседа с колонкой.

Александр молчал долго. Он представил себе эти сосны. Он двадцать лет прожил в коробке у кладбища и ЛЭП, и вот ему давали то, о чём он даже не умел мечтать как следует. И тут же представил другое: как он ходит по чужим комнатам, где ещё вчера потное лицо смотрелось в зеркало и вычитало из зарплаты домработницы.

— Не возьму, — сказал он наконец, и голос его дрогнул. — Я ведь тебя не за квартиру звал.

— А если бы взял? — спросил Шива.

— Тогда бы, наверное, ты завтра пришёл и ко мне. С собакой.

¹⁵ Дхарма — миропорядок, закон, следование должному.

Нанди коротко улыбнулся, а Шива засмеялся — и от этого смеха в маленькой кухне вдруг стало светло, как днём.

— Святая простота. Доброта без ума — глупость. Как же ты обеспечишь свою будущую жену и детей? Ведь всё это будет. Благословение свыше не является искушением; всегда помни, чей ты дар берёшь. И никогда не приноси мне в жертву Авраама.

— Махадев, почему ты ничего не просишь за это? Почему не требуешь такого сложного отношения и такого почитания к себе, не прося ничего взамен?

— Власть от Бога, — сказал Шива, — строится на любви, а не на страхе. И настоящая власть не требует трепета и почтительности. То, что казалось двуличным, я обратил в истинное лицо и придал ему форму.

— Но всё-таки чем я могу заплатить за это?

— Высшая плата за дело — благодарность. Пока люди будут вязнуть в материальных эквивалентах счастья и благодарности, мир будет соревноваться с духовным и спорить с ним.

И с этими словами они ушли.

Х. Пробуждение

Александр проснулся довольно поздно, так как это был воскресный день. Он понял, что видел очень долгий и очень странный сон. Погрузившись в медитацию, он всё же нет-нет да и возвращался к нему: какой-то зал, говорящий Спиридонский, какая-то чушь... «Сон странный», — подумал он.

Потом ему попался на глаза странный заголовок: «Вчера бизнесмен Н. сошёл с ума во время своего визита в Сибирь».

Следующая новость: «Вчера на вечере у крупного владельца ЖК Спиридонского остановилось сердце».

Александр отложил телефон и долго сидел не двигаясь.

Потом он пошёл на кухню. На столе стояла початая бутылка коньяка и пять чашек, из которых одна была огромная, а другая совсем крохотная, с напёрсток. В прихожей на тумбочке лежал конверт, а в конверте — дарственная, оформленная по всем правилам, на квартиру в доме на Еловой улице. И ещё, в самом углу, закатившись под батарею, лежала золотая монетка — тяжёлая и тёплая, будто её только что держали в руке.

За стеной у соседа Бориса было тихо. Тихо было и во дворе: кто-то ночью вывез весь мусор.

По пути на работу он думал не о том, приснилось ли ему это. Он думал о доме на Еловой улице, о соснах вокруг него и о том, что теперь придётся как-то жить со всем этим дальше.